

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 11-002

СЕКРЕТНЫЕ БУНКЕРЫ КЁНИГСБЕРГА

А.С. Пржездомский

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Андрей Станиславович Пржездомский
Секретные бункеры
Кенигсберга
Серия «Гриф секретности снят»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6027550

*Секретные бункеры Кёнигсберга / А.С. Пржездомский.: Вече; Москва;
2011*

ISBN 978-5-9533-5353-3

Аннотация

В предлагаемой читателям книге, основывающейся на подлинных фактах и событиях, автор предпринял попытку с учетом личных впечатлений и рассказов очевидцев, реконструировать события, связанные с исчезновением и поисками Янтарной комнаты. Конечно, еще остаются «белые пятна» в увлекательнейшей истории, которая зовется «спецоперация “Янтарная комната”». Однако большинство пробелов автору удалось восполнить, основываясь на обширном документальном материале, ставшем доступным исследователям в последние десятилетия, а также на анализе документов, находящихся в архивных фондах спецслужб, к которым он имел доступ.

Содержание

От автора	5
Часть I. Бункеры в центре Калининграда	21
Глава первая. Янтарный кабинет	21
Глава вторая. «Бункерная лихорадка»	28
Глава третья. Бункер-оборотень	50
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Андрей Пржездомский

Секретные бункеры

Кенигсберга

©Пржездомский А.С., 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

...Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят...

Евангелие от Матфея, Глава 7

О Янтарной комнате написаны сотни книг и тысячи статей. Пожалуй, ни одно из выдающихся утраченных культурных достояний человечества не удостоилось в течение последнего полувека столь частого упоминания. Кажется, что о Янтарной комнате знают все – и умные очкарики, сидящие по выходным за компьютерами и в библиотеках, и «крутые» почитатели ночных клубов и дискотек, и, конечно же, люди более старшего поколения, помнящие сенсационный бум 1967 года. Тогда советские газеты, не привыкшие к незапланированным неожиданностям, вдруг взорвались броскими заголовками: «Тайна похищения Янтарной комнаты открывается», «Признания Коха», «Будет ли раскрыта тайна “янтарной комнаты”?», «Судьба сокровищ, награбленных фашистами в СССР».

Я, тогда еще ученик девятого класса московской школы № 427, неожиданно для себя «открыл» целую страну захватывающих приключений и удивительных историй, которая в определенной степени повлияла на формирование моих ин-

тересов и устремлений в дальнейшем. А началось все в последних числах февраля 1967 года. Как-то раз, развернув один из номеров «Красной звезды», которую выписывал мой отец – бывший кадровый офицер, уже несколько лет страдающий «ностальгией» по недавней армейской службе, я увидел статью капитана второго ранга Королева. В ней рассказывалось о том, что отбывающий заключение в варшавской тюрьме нацистский военный преступник Эрих Кох сообщил польскому журналисту о местонахождении Янтарной комнаты, пропавшей в годы войны.

К тому времени я уже успел прочесть увлекательнейшую книгу В. Дмитриева «Дело о янтарной комнате» и кое-что знал о событиях, связанных с поисками «восьмого чуда света». Но в статье говорилось о работе какой-то комиссии, осуществляющей розыск Янтарной комнаты на территории Калининградской области. Для меня и для моего школьного друга, одноклассника Володи Черного это стало сигналом к тому, чтобы самим попытаться счастье в увлекательнейшем деле поиска сокровищ. Наверное, большинство мальчишек в этом возрасте мечтают об опасных приключениях и таинственных похождениях, но нам с Володей удалось воплотить эти мечты в реальность и пережить то, что казалось возможным только увидеть в кинофильмах и прочитать в книгах. Мы задумали в весенние каникулы на недельку махнуть в Калининград и самим отыскать Янтарную комнату.

Не буду рассказывать, чего стоило уговорить родителей

отпустить нас в Калининград, тем более что особыми успехами в учебе мы с Володей не отличались. Однако убедить родителей все-таки удалось, и мы провели чуть больше недели в этом удивительном городе, облазив многочисленные развалины, «обследовав» глубокие подземелья и вернувшись с богатыми трофеями – фарфоровыми пробками от пивных бутылок с видами старого города, полуистлевшими документами прусского суда и ржавым парабеллумом, который, впрочем, пришлось по прибытии в Москву сдать в районное отделение милиции.

Через год я побывал в Калининграде с другим своим товарищем по классу Витей Купцовым, а летом 1969 года нам с ним довелось уже работать в составе Калининградской геолого-археологической экспедиции и за короткое время познакомиться с такими интересными людьми, как директор Павловского дворца-музея, бывший хранитель Янтарной комнаты Анатолий Михайлович Кучумов, начальник экспедиции Мария Ивановна Попова, кладоискатель-энтузиаст Иван Тимофеевич Цедрик, бывшие жители Кёнигсберга Макс Энгелин и Александр Вайнгартен.

О тех днях я могу рассказывать очень много: о спусках в подземные казематы и рыцарские комнаты бывшего Королевского замка, о подъемах на головокружительную высоту в развалинах Кафедрального собора и кирхи Святого Семейства, ныне Калининградского органного зала, о раскопках в различных районах города и за его пределами, об удиви-

тельных находках, исчезнувших впоследствии из-за человеческой глупости или бессовестности. Во всяком случае, лето 1969 года оставило у меня неизгладимые впечатления, которые благодаря дневниковым записям удалось хорошо сохранить в памяти.

Уже много позже во время одного из приездов в Калининград мне довелось познакомиться с чудесной женщиной, ставшей настоящим другом нашей семьи – Еленой Евгеньевной Стороженко, которая в течение ряда лет руководила работой экспедиции. Целеустремленная, полная неумолимой энергии, всегда одержимая новыми идеями, она помогла мне разобраться во многом, понять причины неудач и выработать собственную точку зрения на проблему поиска утраченных в годы войны культурных ценностей. Вместе с Еленой Евгеньевной мы создавали Координационный совет по поискам культурных ценностей, утраченных в годы Второй мировой войны, который она возглавила, а я стал его членом и консультантом по данной проблеме от Комитета государственной безопасности СССР. Со временем мы решили подготовить несколько совместных публикаций, которые должны были привлечь внимание общественности к этой теме. За основу были взяты мои дневниковые записи и рукописи, которые я писал «в стол», не рассчитывая, что когда-либо удастся их опубликовать. Так появилась документальная повесть «Тайны королевского замка», опубликованная газетой «Страж Балтики» летом и осенью 1990 года. Потом был це-

льный ряд других публикаций под псевдонимом «А. Орлов», избранным мной по девичьей фамилии моей мамы. В то время в связи с моей профессиональной деятельностью еще рано было называть мою настоящую фамилию. Поэтому многие поисковики и просто люди, интересующиеся темой Янтарной комнаты и розыском сокровищ на территории Калининградской области, с недоумением восприняли появление нового автора, о котором никто ничего не слышал. Впрочем, со временем мне было разрешено публиковаться под своей фамилией, и с тех пор вышло несколько книг о поисках, в которых мне посчастливилось участвовать, – об историческом прошлом Калининграда, о судьбах людей нашей страны в трудный перестроечный и постперестроечный периоды. Литературную работу по «кёнигсбергской» тематике венчал вышедший в 2006 году иллюстрированный энциклопедический справочник «Кёнигсберг – Калининград».

В представленном Вам новом издании, основывающемся на подлинных фактах и событиях, я предпринял попытку с учетом личных впечатлений и рассказов очевидцев, а также многочисленных документов, к которым я имел доступ, реконструировать события, связанные с исчезновением и поисками Янтарной комнаты, изложив при этом собственные версии и соображения. К сожалению, многих из участников событий больше нет с нами и их неоценимые свидетельства уже никогда не смогут стать достоянием современников. Ушла из жизни Елена Евгеньевна Стороженко, мой доб-

рый друг и единомышленник, с которой мы провели немало времени в разговорах «за чаем» у нас в Москве и в ее уютной квартире в Светлом, вместе строили планы о развертывании работы Координационного совета и надеялись на то, что поисковая работа получит наконец адекватную поддержку государства. Нет в живых Анатолия Михайловича Кучумова, дружба с которым началась во время моей работы в калининградской экспедиции и продлилась на многие годы. На девяносто третьем году жизни не стало Вениамина Дмитриевича Кролевского, автора той самой нашумевшей повести «Дело о Янтарной комнате», воспоминания которого о поисках пропавших произведений искусства в послевоенный период явились важным свидетельством участника и очевидца тех событий.

Оттого, естественно, остаются «белые пятна» в увлекательнейшей истории, которая зовется «поиски Янтарной комнаты». Кое-что мне, надеюсь, удастся восполнить, основываясь на обширном документальном материале, ставшем доступным исследователям в последние десятилетия, а также на анализе документов, находящихся в архивных фондах спецслужб, к которым я имел доступ в связи с соответствующим поручением руководства.

Прежде чем приступить к повествованию, позволю себе высказать несколько соображений общего порядка, которые без особого ущерба для себя может опустить любой читающий эту книгу, особенно если ему уже приходилось зна-

комиться с историей поисков Янтарной комнаты. Тому же, кто впервые сталкивается с этой темой, было бы полезно, на мой взгляд, «уловить» и принять во внимание некоторые отправные точки повествования, позволяющие понять, так сказать, глобальность и общечеловеческую значимость происходящего.

Результатом Второй мировой войны явились, как известно, не только неисчислимы человеческие жертвы и громадные разрушения, но и утрата многочисленных произведений искусства. Помимо гибели культурного достояния цивилизации в ходе боевых действий в Европе значительная часть бесценных сокровищ оказалась захваченной воюющими сторонами и впоследствии утраченной для мировой и национальных культур.

Целенаправленная политика гитлеровского руководства по разграблению музеев, дворцов, картинных галерей, библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, университетов, церквей, монастырей, собраний общественных организаций и частных коллекций на территории оккупированных стран привела к тому, что в Германии оказались сосредоточенными значительные культурные ценности. Об этом известно из многочисленных трофейных документальных материалов, содержащих сведения о деятельности «Айнзатцштаба рейхслейтера Розенберга»¹ и подчиненных

¹ «Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg» (*нем.*) – гитлеровская организация, проводившая захват культурных ценностей на оккупированной территории; возглав-

ему восьми региональных штабов, группы особого поручения «Линц», зондеркомманд Кюнсберга и Мюльмана, групп VI-G, VII-C и III-D шестого, седьмого и третьего управлений РСХА – Главного управления имперской безопасности, подразделений Главного административно-хозяйственного управления СС и других учреждений нацистской Германии.

О концентрации на германской территории громадных массивов культурных трофеев свидетельствуют многочисленные документы штабов и отдельных частей вермахта, особенно материалы уполномоченных ОКХ² по «защите произведений искусства» в прифронтовой полосе, а также материалы так называемого «Исследовательского и просветительного общества СС «Аненэрбе»³.

Общая стоимость захваченных гитлеровцами ценностей не поддается точной оценке, но достигала, по-видимому, нескольких десятков, а то и сотен миллиардов рейсмарок. Только в рамках реализации планов превращения австрийского города Линца в «мировой музей искусств» было вывезено в общей сложности 4732 ценнейших предмета ми-

лялась главой Внешнеполитического управления НСДАП Альфредом Розенбергом.

² ОКН (сокр.) – Oberkommando des Heeres (*нем.*) – Верховное командование сухопутными войсками фашистской Германии.

³ «Ahnenerbe» (*нем.*) – «Наследие предков» – «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков» – нацистская организация, занимавшаяся изучением традиций, истории и наследия арийской расы.

ровой культуры, лишь одно описание которых едва уместилось в 31-томном реестре, обнаруженном уже после окончания войны. Среди не найденных до сих пор произведений искусства находится и Янтарная комната из Екатерининского дворца города Пушкина. И, несмотря на то, что выдающиеся мастера современности воссоздали Янтарную комнату, используя сохранившиеся чертежи и фотографии, и она снова украшает один из залов Екатерининского дворца, произведение старых мастеров, исчезнувшее в вихре войны, напоминает о себе удивительными историями его поисков.

Помимо культурных ценностей, вывезенных нацистами из других стран, в годы Второй мировой войны оказались утраченными и многочисленные произведения искусства, находившиеся в немецких музеях, замках, частных собраниях, также представляющие несомненный интерес для мировой культуры. Среди них – всемирно известная Серебряная библиотека герцога Альбрехта, скульптуры и картины выдающихся мастеров, художественные изделия из драгоценных металлов, камней и янтаря, ценные образцы оружия и естественно-научные экспонаты, значительные архивные и библиотечные фонды.

Целый ряд обстоятельств способствовал тому, что значительная часть произведений искусства, вывезенных германскими учреждениями с оккупированных территорий, оказалась в Восточной Пруссии.

Во-первых, к этому приводило особое положение в на-

цистской иерархии гаулейтера Эриха Коха, который, по многочисленным свидетельствам, проявлял исключительную активность в сборе собственной коллекции шедевров мировой культуры, за что неоднократно имел нарекания со стороны Гитлера.

Во-вторых, начиная с 1941 года территория центральной Германии стала подвергаться сначала незначительным, а затем все более массивным налетам англо-американской авиации, достигшим в 1943–1944 годах наивысшей интенсивности, что вынудило гитлеровцев принять меры по эвакуации отдельных художественных собраний на восток страны, откуда, как казалось, угроза была меньшей.

В-третьих, стремительное наступление советских войск в конце 1944 – начале 1945 года и серьезные военно-стратегические просчеты Верховного командования вермахта привели к блокированию Земландского полуострова⁴ с суши, отсечению Восточной Пруссии от центральной Германии.

В-четвертых, возможности эвакуации ценностей морским и воздушным путем после 28 января 1945 года⁵ стали крайне ограниченными, чрезвычайно опасными и ненадежными ввиду тяжелых потерь противника в морских судах и авиации, абсолютного превосходства Военно-морского фло-

⁴ Земландский полуостров был блокирован 29 января 1945 года в результате прорыва советских войск к заливу Фришес Хафф в районе населенного пункта Хайде-Вальдбург.

⁵ 28 января 1945 года советскими войсками была перерезана железнодорожная линия Кёнигсберг – Хайлигенбейль.

та СССР и его союзников на балтийских транспортных коммуникациях.

В-пятых, гитлеровское руководство, считая художественные и исторические ценности важной материальной основой для будущего возрождения национал-социализма, а также надежным источником существования в послевоенной Германии и за ее пределами, предусмотрело осуществление целого комплекса мероприятий по их захоронению на немецкой территории и, в частности, Восточной Пруссии.

Сразу же после окончания войны вплоть до наших дней судьба Янтарной комнаты оказывалась в эпицентре интересов всех, кто занимался сбором трофеев и поисками ценностей не только на территории бывшей Восточной Пруссии, но и во многих других местах Европы. За это время относительно судьбы Янтарной комнаты появилось множество свидетельств, позволяющих воссоздать все этапы ее движения, начиная от демонтажа в городе Пушкине в 1941 году и кончая перемещением ее на территории Кёнигсберга и Восточной Пруссии в 1944–1945 годах. Общее число людей, в той или иной степени располагающих сведениями об укрытии Янтарной комнаты на теперь уже российской земле, превысило тысячу. Среди них – непосредственные участники и случайные очевидцы захоронения, граждане, видевшие ценности уже после взятия Кёнигсберга советскими войсками, и лица, слышавшие от других об укрытии ценностей. Немалую долю составляют бывшие советские военноплен-

ные, русские, украинцы и поляки, угнанные на принудительные работы в Германию, которые волею случая принимали участие в работах по укрытию каких-то ящиков, мешков, контейнеров.

Все эти свидетельства, содержащие различные интерпретации фактов укрытия ценностей, зачастую противоречащие друг другу, вместе с тем сходятся в одном: подавляющее большинство культурных ценностей, вывезенных гитлеровцами в Восточную Пруссию с территории Прибалтики, Украины, Белоруссии, ряда областей Российской Федерации, бывшего Генерал-губернаторства (так фашисты именовали Польшу), а также размещавшиеся в немецких государственных учреждениях и организациях, находившиеся в частных руках, в том числе конфискованные у лиц еврейской национальности и в культовых учреждениях, были укрыты на территории Восточной Пруссии, причем значительная их часть была сосредоточена в Кёнигсберге и его окрестностях.

Указанный вывод, разумеется, не исключает того, что некоторые ценности могли быть все-таки эвакуированы из Восточной Пруссии вглубь Германии и спрятаны в заранее подготовленных местах. Большинство зарубежных исследователей, в частности, немецкие ученые Георг Штайн и Пауль Энке⁶, придерживаются именно такой точки зрения, допуская потерю многих произведений искусства при транспортировке морем в конце 1944 – начале 1945 года (так назы-

⁶ *Enke P. Bernsteinzimmer-Report. Berlin, 1987.*

ваемая «морская версия») или при сокрытии их в глубоких шахтах или соляных коях. На немалые размышления в этом ключе наводят книги австрийских исследователей Герхарда Цаунера и Катарины Хаммер⁷.

За все время поисков Янтарной комнаты в Калининградской области прорабатывалось более трехсот пятидесяти версий ее нынешнего местонахождения, пронизывающих практически всю территорию этой самой западной части российской земли. Калининград и Балтийск, Черняховск и Правдинск, Полесск и Гурьевск, мелкие деревеньки и бывшие хутора, громадные форты и едва заметные подземные бункеры, полузасыпанные подвалы и подземные коллекторы – сколько их было, поисковых объектов, внушавших надежды на успех, дававших новый импульс работе экспедиций и самостоятельных кладоискателей, но, в конце концов, приносивших только разочарование и досаду.

А сколько авантюристов, прохвостов, мелких проходимцев пытались примкнуть к поисковикам! И у некоторых это получалось! Сколько фантазеров, лжесвидетелей и лжеученых, добросовестно заблуждающихся или откровенно лгущих, невежественных или глубоко эрудированных «толкались» вокруг поисков Янтарной комнаты! Одни делали на этом деньги, торгуя подлинной информацией или наспех со-

⁷ *Zauner G.* Verschollene Schätze im Salzkammergut. Graz – Stuttgart, 2003; *Hammer K.* Glanz im Dunkel. Die Bergung von Kunstschätzen im Salzkammergut am Ende des 2. Weltkrieges. Wien, 1996.

стряпанными откровениями очередного свидетеля. Другие – делали себе пиар, время от времени взрывая публичное пространство очередным сенсационным известием, нисколько не заботясь о правдоподобности сообщаемых сведений. Третьи – строчили книжные опусы, обложившись уже выпущенными публикациями и не очень утруждая себя тяжелым поиском в архивах и работой с документами.

И только настоящие, преданные делу люди, без лишней помпы и самолюбования, серьезно, в течение многих лет пытались решить эту полную романтики и тайн загадку, которая называется «поиски Янтарной комнаты». Мне очень повезло, что я знаком с некоторыми из этих людей и даже могу причислять себя к их друзьям или товарищам.

Один из калининградских «историков-исследователей» (он сам себя так называет), поднаторевший над оболваниванием публики бредовыми рассказами о «черных посвященных СС», «магических знаках», «подземельях рунических мужчин» и прочей чепухе, на вопрос, зачем он выливает все это на головы читателей и телезрителей, простодушно ответил: «Я рассказываю то, что от меня хотят услышать».

Понимая, что невозможно в рамках документального повествования рассказать даже о наиболее интересных версиях, поскольку рассказ о каждой влечет за собой длинную цепь приключений и неожиданных событий, я решил ограничиться изложением лишь о некоторых из них – тех, которые мне кажутся самыми привлекательными и перспектив-

ными с точки зрения поисков. Чтобы не разрывались логика и смысл изложения я свел эти истории в три самостоятельных части, каждая из которых объединяет по несколько версий, связанных с конкретными объектами на территории нынешнего Калининграда – стертым с лица земли Королевским замком, некоторыми подземными сооружениями в районе прежней улицы Штайндамм и местом, где когда-то располагалось имение бывшего гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха.

Перед вами – не наукообразный вымысел или приукрашенные истории сомнительной достоверности, и в то же время перед вами – не отчет о результатах поисковых работ. Я предлагаю вам свои собственные впечатления и наблюдения, свою интерпретацию уже известных фактов и обстоятельств, свой взгляд на большие и малые исторические события, так или иначе связанные с утратой и поисками Янтарной комнаты, своего рода символа каждый раз приближающейся, но недостижимой цели, возврата упущенных возможностей и неоправдавшихся ожиданий⁸.

Я осознаю, что многие из описываемых мной событий другие авторы интерпретировали бы иначе, по-своему прочитывая старые документы, рассказы очевидцев и участников поисков. Это не беда! Пусть читатель сам определит, что

⁸ Первая книга на эту тему вышла в 1997 году под названием «Янтарный призрак». Данная публикация представляет собой частично переработанный и дополненный вариант этой книги.

на его взгляд больше соответствует реальности, а что вызывает у него сомнение, а, может быть, даже протест.

Не претендуя на полноту освещения затронутой темы, не стремясь поразить читателя стилистическими ухищрениями и авантюрно-приключенческими поворотами сюжета, а лишь строго придерживаясь документально-исторической канвы, которая по обилию неожиданностей и загадок порой не уступает самому смелому вымыслу, я могу сказать о предлагаемой Вам работе словами римских консулов: «Feci, quod potui, faciant meliora potentes»⁹.

⁹ В переводе с латинского это изречение звучит так: «Я сделал, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше».

Часть I. Бункеры в центре Калининграда

Глава первая. Янтарный кабинет

*...Катерицуика, друг мой сердешинкой,
здравствуй! О здешнем объявляю, что наш приезд
сюда не даром, но с некоторою пользою. Мы отсель
поедем сего дня, дай боже, чтоб до места уже
доехать и Вас скорее увидеть...*

*P.S. К¹⁰ подарил меня изрядным презентом
яхтою, которая в Потсдаме zelo убранная, и
кабинетом янтарным, о чем давно желали.
Письмо Петра I Екатерине. 17 ноября 1716 года*

С утра вдруг неожиданно пошел мокрый снег, покрывая белым ковром все вокруг. Еще вчера вся местность у разрушенного дворца была буквально взрыта снарядами и минами. Обгоревшие остовы зданий, обвалившиеся стены, рухнувшие внутрь перекрытия, нагромождения обломков – все это некогда было знаменитым Екатерининским дворцом.

За последние дни сентябрьских боев он превратился из жемчужины зеленого ожерелья Ленинграда в зловещие раз-

¹⁰ Так, видимо, царь Петр I сократил слово «король», имея в виду прусского короля Фридриха-Вильгельма I.

валины, свидетельствующие о том, что даже в середине XX века варварство и дикость продолжают сопровождать историю человечества. Повсюду виднелись следы отгремевшего боя: сгоревшие грузовики и повозки, искореженные пушки, кучи какого-то тряпья и припорошенные холмики человеческих тел – враги и друзья до подхода похоронных команд лежали рядом. Вдали слышалась канонада недалекого боя, треск пулеметных и автоматных очередей... До Ленинграда было каких-то двадцать три километра.

В Янтарном зале Екатерининского дворца гулял ветер. Окна, до начала боев заложенные мешками с песком, теперь зияли в некоторых местах провалами, через которые проникал тусклый свет. Пол был усеян неизвестно откуда взявшимся мусором и досками. Стены, по сравнению с другими частично сохранившимися во дворце, выглядели здесь очень странно: во всю высоту они были обшиты толстым картоном, обиты какой-то серой тканью. Все три двери Янтарного зала были распахнуты настежь, а одна из створок, покосившись, повисла на нижней петле.

Перед главным входом было заметно какое-то движение – подъезжали и разгружались грузовые автомашины с брезентовым верхом, чуть дальше слышался рев танковых моторов. По всему зданию раздавались гортанные возгласы и крики. Солдаты в серых шинелях заносили ящики, тюки, мешки. Связисты с традиционными эмблемами – молниями на верхней части левого рукава – разматывали катушки

кабеля. В одном из крыльев полуразрушенного Екатерининского дворца в городе Пушкине лихорадочно размещался штаб двадцать восьмого армейского танкового корпуса вермахта.

В Янтарный зал вошли два здоровенных солдата с гофрированными флягами на ремнях и ранцами за спиной. В руках у них были карабины «98» с примкнутыми штыками. Было видно, что в полумрак этого помещения их привлекло любопытство и желание чем-нибудь поживиться. В соседних залах их товарищи уже сидели, развалившись, на роскошных диванах и креслах-жардиньерках, покрытых голубой тканью с позолотой – все, что уцелело в помещениях дворца, использовалось для обустройства фронтového быта.

В полумраке зала они не сразу различили громадные листы картона, которыми были обиты стены. Но, осмотревшись, обратили внимание на странную «упаковку», долго не раздумывая, сняли винтовки с плеч и стали расковыривать картон, оживленно переговариваясь друг с другом. Несколько сильных ударов и на пол вдруг неожиданно посыпались блестящие кусочки какого-то камня. Один из солдат наклонился, поднял небольшой осколок и, рассматрив его, вдруг воскликнул: «Бернштайн!»¹¹

Через полчаса оба солдата уходили из зала с карманами, набитыми уникальными сувенирами. Здесь были и тонкие пластинки ярко-желтого янтаря с удивительными вкрапле-

¹¹ Bernstein (нем.) – янтарь.

ниями, и крупные, размером с виноградину, темно-коричневые куски солнечного камня. А на стенах Янтарного зала остались рваные клочья ткани и свисающие обрывки картона. Кое-где проглядывали мозаичные картины флорентийских художников и зеркальные пилястры¹². На полу, поблескивая в лучах света, проникающего в щели между мешками, которыми были закрыты оконные проемы, остались рассыпью лежать кусочки диковинного камня.

Откуда было знать молодым немецким парням из Баварии или Мекленбурга, победным маршем прошедшим по городам Европы, стоящим у самых стен Ленинграда и ожидающим со дня на день приказа взять этот город, что своими штыками они грубо и бесцеремонно вонзались в живую ткань мировой культуры, грязно, по-варварски попирали выдающееся достижение человеческого гения – уникальное произведение искусства, известное во всем мире как «Янтарная комната» или «Янтарный кабинет».

* * *

Думается, читатель, взявший в руки эту книгу, имеет некоторое представление о Янтарной комнате и ее драматической истории, и у меня нет необходимости подробно рассказывать об этом. Тем более что в последние годы появи-

¹² Пилястра – вертикальный прямоугольный выступ на плоскости стены, состоящий из тех же частей, что и колонна.

лось немало книг на данную тему¹³. Но для порядка напомним лишь, что Янтарная комната, или, как она тогда называлась, Янтарный кабинет, была создана данцигскими мастерами в 1701–1709 годах по проекту известного немецкого архитектора Шлютера и подарена прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I русскому царю Петру Великому в знак уважения к России и с надеждой на более тесное военное сотрудничество ее с Пруссией.

Янтарный кабинет поместили сначала в Летний, а затем в Зимний дворец императорской фамилии в Санкт-Петербурге, и только в 1755 году он был смонтирован в одном из залов Екатерининского дворца в Царском Селе. Вследствие того, что площадь зала значительно превышала размеры кабинета, архитектор Растрелли вынужден был дополнить ее убранство новыми элементами, выполненными безымянными крепостными резчиками и позолотчиками: зеркальными пилястрами, янтарными гирляндами, резными орнаментами.

Двенадцать янтарных панно, разделенных длинными уз-

¹³ *Воронов М. Г., Кучумов А. М.* Янтарная комната. Шедевры декоративно-прикладного искусства из янтаря в собрании Екатерининского дворца-музея. Ленинград, 1989; *Бирюков В. Г.* Янтарная комната. Мифы и реальность. Москва, 1992; *Аксенов В.* Дело о Янтарной комнате. Москва, 2000; *Овсянов А. П.* Янтарная комната. Калининград, 2002; *Овсянов А. П.* В руинах старого замка. Калининград, 1998; *Петровский Н. В.* Отблеск янтаря. Поиски похищенного шедевра. Москва, 2009; *Турченко С. И.* Военные тайны. Янтарная комната. Москва, 2005; *Enke P.* Bernsteinzimmer-Report: Raub, Verschleppung u. Suche e. weltbekanntes Kunstwerkes. Berlin, 1987.

кими зеркалами в золоченых рамах с капителями¹⁴, украшенными женскими головками, превосходные орнаменты, изящные резные украшения, четыре мозаичные картины флорентийских мастеров с аллегорическим изображением пяти человеческих чувств – это лишь жалкое перечисление того, что представляла собой Янтарная комната. В лучах солнца она сияла чудесным светом, который может дать только янтарь – удивительный минерал, который древние греки называли «электроном», а славяне «латырь-камнем». Янтарная комната, наверное, была самым замечательным и притягивающим внимание «экспонатом» в Пушкинском дворцовом комплексе.

Тысячи людей, от пионеров с красными галстуками до командиров РККА¹⁵, от колхозников до иностранных дипломатов, побывали во дворце-музее и унесли с собой воспоминание о восьмом чуде света...

* * *

Утром 14 октября 1941 года семь солдат из саперного батальона 121-й немецкой пехотной дивизии под командованием уполномоченного по охране культурных ценностей группы армий «Север» ротмистра резерва графа Сольмс-

¹⁴ Капитель – верхняя часть колонны или пилястры.

¹⁵ РККА (сокр.) – Рабоче-Крестьянская Красная Армия – наименование Вооруженных Сил Советской России и СССР в 1918–1946 годах.

Лаубаха и представителя начальника управления военных музеев капитана Пёнсгена завершили демонтаж Янтарной комнаты, упаковали ее в двадцать семь деревянных ящиков и погрузили на автомашины. Пополудни восемнадцать армейских грузовиков с моторизованным боевым охранением выехали на шоссе и, чадя моторами, двинулись колонной в сторону Пскова.

Глава вторая. «Бункерная лихорадка»

...Произведения искусства, купленные мною, никогда не приобретались для личных целей; они покупались исключительно ради создания галереи в моем родном городе Линце на Дунае...

Из завещания Адольфа Гитлера.

Берлин, 29 апреля 1945 года

Кавалькада черных «мерседесов» в сопровождении тяжелого «штейра» лихо промчалась по вытянутой площади Хауптплатц, мимо чумной колонны – свидетельницы средневековых трагедий, неказистой старой ратуши, похожей на пожарное депо с каланчой, мимо галереи, образованной полукруглыми арками первого этажа здания, облицованного серо-желтым камнем. Грузные лимузины двигались по брусчатой мостовой, плавно покачиваясь и четко выдерживая «строй». Каждому, кто что-либо понимал в конструкциях машин, было ясно – лимузины-то бронированные и каждый весит не менее трех с половиной тонн.

Машины выехали на мост через Дунай, заметно сбавили ход и остановились. Почти одновременно из первого и двух последних лимузинов выскочили вооруженные люди в черных мундирах, а «штейр», резко развернувшись, перекрыл проезжую часть моста, встав прямо посередине, на трамвайных путях. Впрочем, и на самом мосту были видны одиноко

стоящие фигуры полицейских и «людей в плащах и черных шляпах».

Рослый ээсовец в ладно сидящем мундире бережно открыл переднюю дверь второго «мерседеса», и через мгновение из нее показался человек в бесформенном коротком плаще грязно-серого цвета. Щеточка черных усов под носом, надвинутая на лоб фуражка военного образца, деревянная трость в руке – это первое, что бросалось в глаза.

Его спутник, появившийся из противоположенной двери автомобиля, был моложе и выше ростом. На нем был длиннополоый плащ, а в левой руке – массивная кожаная папка. Он несколько суетливо обогнул «мерседес» и приблизился к человеку с усиками. По всему было видно, что они только что прервали разговор и теперь собирались продолжить его уже здесь, стоя на мосту.

К ним подтянулись еще несколько человек, большинство из которых были одеты в мундиры или военизированные френчи. По периметру, отсекая группу от возможных прохожих, встали охранники, некоторые из них были вооружены автоматами.

Сомнений быть не могло: на мосту через Дунай, носившему романтическое название Моста Нибелунгов, стоял в окружении своих соратников человек, от одного вида которого многотысячным ревом взрывалась толпа, а обезумевшие фанатики смахивали слезы умиления и счастья. Его образ вселял в одних восторг и священный трепет, а в дру-

гих – ужас и ненависть. По одну сторону линии фронта его портреты были неизменным атрибутом митингов и собраний, чиновничьих кабинетов, школьных классов и студенческих аудиторий. А по другую линию фронтов его карикатурами пестрели тиражи газет и журналов, стены домов, оклеенные плакатами, и листовки, сброшенные с самолетов и медленно оседающие на землю среди траншей и окопов.

Да, на Мосту Нибелунгов в австрийском городе Линце в окружении охраны и «товарищей по партии» стоял Адольф Гитлер – фюрер и рейхсканцлер Германии, вот уже более десятка лет наводивший ужас на поработенную его армиями Европу. Рядом с ним был Альберт Шпеер – рейхсминистр Имперского министерства вооружений и военной промышленности.

Все это происходило в середине апреля 1943 года. Гитлер только что приехал из Зальцбурга, где вел переговоры с Бенито Муссолини – главарем фашистской Италии. Переговоры были тяжелыми: германо-итальянский военный пакт, в просторечье называемый «Осью Берлин – Рим», трещал по всем швам. Серьезные перемены на фронтах, где Красная Армия все более и более заевывала стратегическую инициативу, заставляли фашистскую Италию, верного союзника Германии, задуматься о том, что следует делать дальше.

Дуче сделал Гитлеру предложение, от которого тот вначале потерял дар речи: Муссолини посоветовал ему заключить мир с русскими и сконцентрировать совместные во-

енные усилия на Средиземноморском театре военных действий. Но Гитлер понимал, что «Советы» ни при каких обстоятельствах не пойдут с ним на переговоры о мире, и поэтому требовал от своего итальянского партнера мобилизовать все силы для того, чтобы нанести решающий удар на Восточном фронте. Так они довольно долго препирались, пока Муссолини не согласился с точкой зрения Гитлера, потребовав взамен оказание со стороны Германии срочной военной и экономической помощи. На это Гитлер тоже не мог согласиться – у Третьего рейха было полно своих проблем. В общем, переговоры ничего не дали, а только усугубили разногласия между союзниками по блоку.

Из Зальцбурга Гитлер уехал раздраженным и обиженным на итальянского диктатора, еще совсем недавно казавшегося самым преданным и надежным другом. Даже благодушная атмосфера Бергхофа¹⁶ не смогла вернуть Гитлера в состояние равновесия, и он, понимая, что впадает в очередную депрессию, решил немного развеяться – проехать по милым сердцу местам родной Австрии, а заодно посетить крупный металлургический завод «Обердонау», построенный уже после аншлюса – включения Австрии в состав Германии. Для этого Гитлер вызвал Шпеера, которого считал не только хорошим организатором, но и приятным собеседником, благотворно влияющим на настроение фюрера.

¹⁶ Бергхоф – резиденция Гитлера в Оберзальцберге (Бавария).

Из книги Эриха Штокхорста «5000 голов. Кто был кто в Третьем рейхе».

Киль, 1998 год

«Шпеер, Альберт, профессор, доктор, инженер, род. 19.3.1905 в Маннгейме, в 1929 – архитектор, 1-й ассистент в Высшей технической школе в Берлине. 1.3.1931 вступил в СА, в 1932 – в СС, с 1932 член НСДАП... В 1932–1942 – архитектор и советник Гитлера... В 1941 (авг.) – 1945 – депутат рейхстага... С 15.2.1942 – имперский министр вооружений и военной промышленности... 1.10.1946 как военный преступник осужден на 20 лет...»

Гитлер, придерживая Шпеера за руку, подвел его к ограде моста, останавливающим жестом дал охране понять, чтобы она не следовала за ними и оставалась на почтительном расстоянии. День был солнечным, по-настоящему весенним, на воде играли световые блики, отражалось голубое небо с обрывками облаков, да у ближнего берега качивалось несколько лодок, напоминая о чем-то совсем забытом, оставшемся в далеком прошлом.

– Вы знаете, Шпеер, я очень люблю этот город. Здесь прошли мои юные годы, здесь я учился в реальной школе. Здесь прочитал свои первые книги. И, конечно же, Шпеер, именно здесь я понял, что архитектура – мое призвание. А то, чем я занимаюсь сейчас...

– Мой фюрер, Вы – вождь нации...

– Ладно, Шпеер, не надо об этом! – И без всякого перехода он вдруг громко воскликнул, да так, что охранники разом повернули голову в его сторону: – Вот это поза! Какая мускулатура! Какой взгляд! Настоящий германский взгляд!

Шпеер не сразу понял, что Гитлер так восторженно говорит о высеченной из камня конной статуе Зигфрида, установленной на высоком постаменте с этой стороны моста, – изваянии героя древнегерманского эпоса.

– Это же настоящий воин. Как он держит меч! А этот поверженный дракон! Это же наши враги – русские варвары и трусливые англосаксы! Прекрасная работа! Настоящее немецкое искусство!

Шпеер только кивал головой. Он знал пристрастие Гитлера к германским древностям, римским героям и всему, что связано с «воинственным духом предков».

Гитлер еще долго восхищался скульптурными группами, украшавшими Мост Нибелунгов, разглагольствовал о превосходстве германского искусства над вырождающимся западным искусством, пропитанном духом растления и распада.

– Шпеер, Вы же знаете, что я давно задумал превратить Линц в центр мировой культуры. Нет! В центр мировой цивилизации! Здесь будут сосредоточены все выдающиеся произведения искусства – картины, скульптуры, фрески, изделия из кости, драгоценных камней, золота, археологические древности, старинные манускрипты! Со всего мира наши

победоносные армии, наши героические воины свезут сюда трофеи, которые по праву принадлежат нам, великой нации, тысячелетнему Третьему рейху! Мой Музей искусств будет уникальным! Лувр перед ним будет просто выставкой деревенских мастеров!

– Мой фюрер, Вы абсолютно правы! И я горд, что мне доверено разработать проект будущей картинной галереи для будущего «Фюрер-музея»...

– Конечно, Шпеер, это – большая честь! Но Вы справитесь с этой ролью! Вы – выдающийся архитектор и Ваши творения тоже останутся в веках!

– Об этом я могу только мечтать, мой фюрер!

– Мечтайте, Шпеер! И работайте! Нам еще много предстоит сделать! Вы знаете, что я поручал Поссе¹⁷ заняться отбором картин и других произведений искусства. Жаль, он умер. Очень хороший профессионал и преданный был мне человек. Теперь этим занимаются другие люди. Что-то надо купить, что-то забрать у Гиммлера¹⁸ и его людей. Надо потрясти Розенберга¹⁹. Он совсем не умеет хранить ценности.

¹⁷ Поссе Ганс (1879–1942) – немецкий ученый, директор Дрезденской картинной галереи, был уполномочен Гитлером организовать «Мировой музей» в Линце, для которого повсеместно собирал экспонаты, в том числе культурные ценности, награбленные фашистами на оккупированных территориях.

¹⁸ Гиммлер Генрих (1900–1945) – видный нацист, рейхсфюрер СС, руководитель РСХА, главный военный преступник, покончил жизнь самоубийством.

¹⁹ Розенберг Альфред (1893–1946) – видный нацист, министр по делам оккупированных восточных территорий, организатор захвата культурных ценностей,

Геринга²⁰ я уже поставил на место, а то он может затащить в свой дворец пол Европы! Разумеется, надо профильтровать все, что становится трофеями наших солдат на Восточном фронте. И, конечно же, надо потрясти наших гаулейтеров²¹, особенно Коха. Он сейчас на Украине, но, как мне докладывают, не пропускает и там ни одной ценной вещи. Что он в них понимает?! Слесарь из депо!²²

Из «Аналитической справки»

«...Эрих Кох родился 19 июня 1896 года в г. Эльберфельде (Рейнская область) в семье рабочего Адольфа Коха. В 1911 году окончил школу, после чего три года работал в типографии. В 1914 году поступил работать на железную дорогу, работал дорожным рабочим, стрелочником, телеграфистом. В 1915 году призван в армию. В 1916 году попал на Восточный фронт, где воевал до 1918 года. После войны Э. Кох вернулся в Рейнскую область, вновь поступил работать на железную дорогу. В 1921 году в возрасте 25 лет вступил

глава «Штаба Розенберга», как главный военный преступник казнен на основании решения Международного трибунала в Нюрнберге.

²⁰ Геринг Герман Вильгельм (1893–1946) – видный нацист, председатель рейхстага, министр авиации, уполномоченный по четырехлетнему плану, преемник Гитлера, главный военный преступник. Покончил жизнь самоубийством.

²¹ Гаулейтер – партийный функционер в гитлеровской Германии, глава гау – региональной (земельной) организации НСДАП.

²² Кох Эрих (1896–1986) – видный нацист, гаулейтер Восточной Пруссии, рейхскомиссар Украины, польским судом приговорен к пожизненному заключению, умер в тюрьме.

в НСДАП...»

Настроение Гитлера резко изменилось. От прежнего задумчиво-восторженного состояния не осталось и следа. Мысли о том, что кто-то или что-то может помешать реализовать в полной мере его давнюю мечту о создании в Линце «Мирового музея», выводила его из себя.

– Мне доложили, что Кох решил навсегда оставить у себя в Кёнигсберге Янтарный кабинет! Как будто это его личный трофей! Я еще подумаю, куда деть эту историческую реликвию. Может быть, вернуть в Берлин и установить в Королевском дворце, а может быть, перевезти сюда, в Линц. Я еще не решил.

– Мой фюрер, – Шпеер озабоченно посмотрел на Гитлера. – Идет война, и нам надо считаться с тем, что враг может подвергнуть бомбардировке немецкие города...

– Нет! Никогда! Ни один вражеский самолет отныне не сможет сбросить бомбы на города рейха! Геринг и наша героическая авиация, наши доблестные силы противовоздушной обороны не позволят врагу вторгнуться в воздушное пространство рейха!

– Но, мой фюрер, англичане и русские бомбили...

– Да, русские бомбили Кёнигсберг! – перебил Шпеера Гитлер. – Но это шаг отчаяния! Их аэродромы уничтожены еще в сорок первом году! Самолеты сожжены! Тогда большевики бежали, бросая технику и вооружение! И несколь-

ко летчиков-фанатиков на бомбардировщиках решили испугать нас! Им это не удалось! Все самолеты были сбиты, а бомбы не причинили сколь-нибудь значимого ущерба!²³ Да, эти проклятые британцы сумели прорвать нашу оборону и разбомбить Любек и Кёльн! А русские, истекающие кровью на Украине, Кавказе и на Дону, попытались запугать нас, снова сбросив бомбы на Кёнигсберг. Но опять у них ничего не получилось!²⁴ Мы полностью изменили нашу систему противовоздушной обороны, и теперь ни один вражеский самолет не появится в германском небе! Не появится никогда!

– И все-таки, мой фюрер, мы реализуем с Вашего согласия программу строительства бункеров ПВО и различных подземных сооружений на случай...

– Никаких случаев мы не допустим! Даже не говорите мне об этом! – По всему было видно, что Гитлера вывели из равновесия слова Шпеера. – Мы строим бункеры исключительно из профилактических целей. Враг должен знать, что любые его планы нанести бомбовой удар не принесут ему никаких результатов. В считанные минуты мы сможем передислоцировать наши предприятия, больницы, госпитали, школы и университеты в комфортабельные подземные сооружения! Шпеер, наши бункеры – это наша уверенность в полной

²³ Бомбардировка советской авиации Кёнигсберга осенью 1941 года действительно, по существу, не причинила серьезного вреда городу.

²⁴ Это не соответствует действительности. Налет советской авиации на Кёнигсберг весной 1943 года был достаточно успешным. Бомбы легли в центре города в районе улиц Оберрольберг, Штайндамм и Друмштрассе.

безопасности!

– Именно так, мой фюрер! – Шпеер старался исправить положение и вернуть Гитлера в уравновешенное состояние. Он знал, как это сделать. Достаточно было вновь заговорить об архитектуре, как Гитлер буквально преображался: от раздражения не оставалось и следа, его голос становился более мягким, а лицо добродушным. – Разумеется, мой фюрер, строительство бункеров, которое мы начали по всей стране, в том числе и здесь, в Линце, нисколько не мешает реализации наших архитектурных и градостроительных планов. В некотором смысле мы даже этим способствуем их реализации. Возьмем, например, новые катакомбы, построенные под монастырем капуцинов, или большой резервный бассейн на пересечении улиц Вайсенвольффштрассе и Груберштрассе. Вроде бы мы строим их на случай... – Шпеер чуть было не сказал «бомбардировок», но вовремя поправился: – на непредвиденный случай, а как они дополняют архитектурный образ Линца!

– Да, Линц – прекрасный город. Он чем-то напоминает мне Будапешт. Но Линц, когда мы его преобразим в «мировой город», будет красивее Будапешта. И уж точно в тысячу раз прекраснее этой грязной, вечно захлавленной Вены. Вы же знаете, Шпеер, она и построена по-дурацки – спиной к Дунаю.

Шпеер знал давнюю неприязнь Гитлера к Вене²⁵ и не пре-

²⁵ С Веной у Гитлера были связаны воспоминания о неудачах, постигших его в

минул поддержать фюрера:

– Это большая ошибка градостроителей – не использовать реку в архитектурном облике города!

– Да, Шпеер, и Париж, и Лондон, и даже Петербург построены таким образом, что вид с мостов показывает эти города во всей их красе. Вот это – грамотное архитектурное решение! Но нам не нужны будут эти кумиры. Еще немного, и Лондон мы превратим в развалины, а Петербург... Несмотря на то, что русские смогли снять блокаду города, в результате этой войны он вернется в свое первоначальное положение и снова станет болотом. Русский царь построил его совсем не там. А нам на Балтике хватит Риги и Ревеля²⁶. Так что, Шпеер, Линц и только Линц станет выдающимся архитектурным образом всей нашей Земли и мировой цивилизации. Мой родной город достиг этого!

Гитлер резко вскинул голову и круто повернулся. Вытянув руку в сторону замка, стоящего на высокой горе на этом же берегу Дуная, он с пафосом воскликнул:

– Посмотрите, это же торжество германского духа и германской природы! Как я люблю этот замок на горе Рёмерберг! Германская и римская история сплелись здесь с древним парком в одно целое! Шпеер, такого Вы не найдете больше нигде в мире! – Он озабоченно посмотрел на часы и почти извиняющимся тоном спросил: – Шпеер, у нас есть

молодости, в частности провал при поступлении в Венскую академию искусств.

²⁶ Ревель – немецкое название столицы Эстонии Таллина.

еще время? Мы когда должны быть на заводе?

– В пятнадцать, мой фюрер. Гудериан и Эйгрубер²⁷ уже там.

– Тогда у нас с Вами, дорогой Шпеер, есть еще целый час. Мне очень хочется прогуляться по местам моего детства. Я надеюсь, Вы составите мне компанию?

– Конечно, мой фюрер.

Кавалькада автомобилей быстро развернулась прямо на мосту и через минуту-другую уже двигалась по улице Променаде в сторону театра, который буквально был зажат между старинными бюргерскими домами центра города. Здесь Гитлер и Шпеер снова вышли из машины и дальше продолжили прогулку уже пешком. Это определенно представляло значительные сложности для эсэсовской охраны, но она уже привыкла, что Гитлер, приезжая на родину – в Линц или Браунау, – нередко предпочитал ходить пешком. По всему маршруту движения фюрера расставлялись посты, с дорог убирались машины и повозки, перекрывались примыкающие улицы и переулки. Особую озабоченность у охраны вызывали открытые окна на фасадах зданий, в связи с чем сотрудники службы личной охраны иногда вынуждены были заходить в подъезды домов и подниматься на этажи, проверять, не прячется где-нибудь злоумышленник или слишком экспансив-

²⁷ Гудериан Хайнц Вильгельм (1888–1954) – гитлеровский военачальник, в 1943 году – генерал-инспектор танковых войск, генерал-полковник. Эйгрубер Август (1907–1946) – видный нацист, гаулейтер земли Верхний Дунай, как военный преступник казнен в 1946 году.

ный почитатель фюрера. Опасность покушения витала над Гитлером уже больше десятка лет, особенно после взрыва бомбы в мюнхенской пивной «Бюргербройхаус» 8 ноября 1939 года, когда Гитлер чудом спасся от смерти. Он покинул пивной зал за десять минут до взрыва, в результате которого семь его соратников погибли, а шестьдесят три были ранены. Смертельно напуганный Гитлер с тех пор требовал от службы безопасности чрезвычайных мер защиты его персоны.

Гитлер, как заправский экскурсовод, рассказывал Шпееру о достоинствах того или иного архитектурного элемента городского театра, окружающих его домов, гармоничной планировке этой части старого города. Казалось, он уже забыл, зачем приехал в Линц, для чего позвал вместе с собой имперского министра вооружений, забыл о ждущих их на сталеплавильном заводе Гудериана и гаулейтера, о безрезультатных переговорах с Муссолини, о резко обострившемся положении на фронтах. Для диктатора, покорившего почти всю Европу, сейчас не существовало ничего, кроме этого старого города его молодости, который он вознамерился сделать столицей мировой культуры.

Так за разговорами они прошли по круто поднимающейся вверх улочке Хофгассе, похожей на узкую щель среди домов-скал, прямо к замку, стоящему на высоком холме, на берегу Дуная. Шпеер несколько отрешенно слушал словоизлияния Гитлера, который то пускался в дебри истории, то демонстрировал свои познания в архитектуре, то начинал рас-

сказывать не раз уже слышанную историю из своих детства и юности.

Незаметно, почти по инерции, они пересекли внутренний двор замка, через задние ворота вышли наружу и по каменным ступеням поднялись на подковообразное фортификационное укрепление, служившее, наверное, когда-то для отражения атак неприятеля с запада, то есть с внешней стороны города. Гитлер подошел к каменному ограждению и посмотрел вниз. Его лицо вдруг расплылось в улыбке, а глаза радостно заблестели:

– Шпеер, посмотрите-ка вниз! Ну же, быстрее!

Отсюда с укрепления открывался чудесный вид на прилегающий парк, только-только начинающие зеленеть деревья, аккуратно посаженные вдоль аллей, пожухлую прошлогоднюю траву, через которую пробиваются первые весенние побеги молодой травы.

– Смотрите, вон там! – Гитлер указывал на кусты, росшие неподалеку от замковой стены. Там среди веток он разглядел серый шевелящийся комок. «Заяц! – мысленно удивился Шпеер. – Откуда ему тут было взяться, в центре города? Впрочем, не все ли равно. Фюрер радуется, как ребенок, как будто ему нет никакого дела до того, что происходит на фронтах и в мире».

– Шпеер, я еще школьником бегал сюда кормить зайцев! Как здорово, что они по-прежнему здесь живут.

– Да, мой фюрер. – Шпееру не терпелось переговорить с

Гитлером об очень важном для него вопросе.

Дело касалось реализации программы строительства подземных бункеров для руководства гитлеровской Германии. С началом войны началось строительство бункеров для командных пунктов «Адлерхорст»²⁸ в Бад-Наухайме, «Фельзенест»²⁹ под Родертом на Эйфеле, «Вольфсшлюхт»³⁰ в бельгийском городке Брюи-де-Пеш и «Вольфшанце»³¹ под Расенбургом в Восточной Пруссии. Кроме того, был построен законспирированный бункер в местечке Танненберг в Шварцвальде, ну и, конечно, самый мощный бункерный комплекс в Оберзальцберге в Южной Баварии. Отдельные бункеры строились для Геринга, Гиммлера, Геббельса.

Но о своей безопасности пеклись не только высшие руководители рейха. После многочисленных обращений гаулейтеров Гитлер дал согласие на строительство бункеров и для региональных руководителей НСДАП. Повсеместно в строжайшей тайне возводились подземные сооружения, призванные обеспечить безопасность гаулейтеров и их ближайших сотрудников.

Строительство таких дорогостоящих объектов ставило под сомнение возможность реализации другой нацистской программы – возведения в городах бомбоубежищ ПВО для

²⁸ «Adlerhorst» (нем.) – «Орлиное гнездо».

²⁹ «Felsenest» (нем.) – «Горное гнездо».

³⁰ «Wolfsschlucht» (нем.) – «Волчье ущелье».

³¹ «Wolfschanze» (нем.) – «Волчье логово».

населения страны. С середины тридцатых годов прошлого века в Германии началось строительство противовоздушных башен двух типов – «муравейник» и «гриб», каждая из которых представляла собой железобетонное сооружение в три-четыре этажа, способное вместить от пятисот до четырех с половиной тысяч человек. С начала сороковых годов такие башни стали появляться практически во всех городах Германии.

Альберта Шпеера, ответственного за сооружение всех этих объектов, беспокоило другое. Охватившая нацистское руководство «бункерная лихорадка», когда каждый мало-мальски значимый чиновник хотел иметь свое собственное бомбоубежище, отвлекала большие ресурсы, направленные на функционирование оборонной промышленности, задействовала целые армии строителей, громадное количество «восточных рабочих» и военнопленных.

– Мой фюрер, я хотел доложить Вам, что в рамках реализации нашей программы строительства бункеров ПВО...

– Вы опять за свое! – с раздражением перебил его Гитлер. – Мне выдалась возможность хоть на несколько минут забыть обо всем, пообщаться с прошлым, вспомнить юность, а Вы... Опять про бомбардировки, бункеры, про трусов и паникеров!

– Простите, мой фюрер!

– Ладно! Что там у Вас?

– Мой фюрер, я хотел только сообщить Вам, что некото-

рые наши руководители проводят работу по строительству бункеров, которая не предусмотрена утвержденными Вами планами, отвлекая на это значительную рабочую силу и технику. Кое-где даже крайслейтеры³² стали строить себе личные бункеры!

– Где же это так развернулись? – Гитлер строго посмотрел на Шпеера. – Это похоже на самоуправство!

– В Восточной Пруссии.

– Опять этот Кох! Я ему запретил сеять панику, а он снова за свое. Напуган бомбежками Любека и Кёльна! Боятся теперь, что англичане решатся бомбить Кёнигсберг. Да они просто не долетят туда! У них нет сил преодолеть нашу противовоздушную оборону! Наша усовершенствованная система «Химмельбетт»³³ не позволит прорваться в небо Германии ни одному вражескому самолету!

– Мой фюрер, тем не менее Кох просил меня согласовать с Вами строительство дополнительных бункеров ПВО и отдельных подземных сооружений на территории Восточной Пруссии и самого Кёнигсберга для размещения важных военных производств и создания резервных командных пунктов.

– От кого он собирается прятаться, от русских, что ли?

³² Kreisleiter (*нем.*) – окружной руководитель нацистской партии, в данном случае – руководитель кёнигсбергской НСДАП.

³³ «Himmelbett» (*нем.*) – «Кровать с балдахином» – условное наименование немецкой системы ПВО, включавшей в себя мощный пояс прожекторов, самые современные радары и эскадрильи ночных истребителей.

– Кох сообщает, что в Кёнигсберге сосредоточены большие трофеи со всего Восточного фронта, из генерал-губернаторства, да и вывезенные из Центральной Германии в конце прошлого года.

– Я знаю. Мне докладывали Розенберг и Гиммлер. Но мы не можем везти все в рейх. Да, мы создадим здесь, в Линце, «Мировой музей искусства». Он затмит Лувр, Дрезденскую галерею и Эрмитаж! Здесь будут представлены произведения выдающихся художников, графиков, скульпторов, резчиков по дереву, кости, изделия из золота, серебра, драгоценных камней! Но это будут самые лучшие, самые выдающиеся произведения искусства! Все остальное остается на своих местах – в европейских музейных собраниях, в замках, частных коллекциях. Только еврейское наследство и трофеи, изъятые у поляков и большевиков, мы заберем себе. Я сам приму решение, что из этой громадной добычи достойно быть представлено в Линце.

– Вы говорили, мой фюрер, о том, что примете решение о Янтарном кабинете, который Кох выставил на всеобщее обозрение в Королевском замке в Кёнигсберге. Разумеется, Ваше решение непререкаемо. Но мне кажется, такие ценности, пока идет война, должны быть скрыты от публики. Наши солдаты спасли их от большевистских варваров в развалинах царского дворца под Петербургом, но никто не может гарантировать их сохранность от вражеских бомб.

– Да, Шпеер, Вы правы. Я об этом тоже думал и в самое

ближайшее время дам указание провести селекцию трофеев и определить временные места их хранения. По крайней мере, до тех пор, пока не закончится война.

– Об этом меня спрашивал и Кох. Вернее, он интересовался, не можем ли мы в рамках нашей программы по строительству бункеров предусмотреть сооружение подземных укрытий, куда в случае необходимости были бы складированы «культурные трофеи», ведь в немецких музеях не хватает достаточно места для своих экспонатов, а музейные запасники и так забиты до отказа предметами, изъятыми в синагогах и еврейских частных коллекциях.

Казалось, Гитлер перестал слушать Шпеера и снова погрузился в воспоминания своей юности. Шпеер умолк, ожидая, когда его собеседник соблаговолит продолжить разговор. Но Гитлер без всякой связи с тем, о чем они говорили, воскликнул:

– Слушайте, Шпеер, пойдете туда! – Он указал на пространство, прилегающее к внешней стене замка, обращенной к реке. – Там был мой самый любимый уголок Линца. Оттуда открывается чудесный вид на Дунай. Пошли!

Охрана, угадав намерения Гитлера, устремилась в указанном направлении – надо было успеть отсечь случайных прохожих и работников замкового музея.

Они спустились с верхнего яруса фортификационного сооружения, прошли вдоль стены замка и оказались на небольшой смотровой площадке, с которой открывался чудесный

вид на противоположный берег Дуная – домики с черепичными крышами, поросшие редкими деревьями холмы, игрушечную церковь на вершине холма. Повсюду вдоль реки на обоих берегах виднелись заборы с временными деревянными бараками – грандиозная реконструкция, которая должна была превратить Линц в «фюрерштадт»³⁴, была приостановлена, а все работы законсервированы. Техника переброшена на строительство военных укреплений, а рабочие направлены на оборонные объекты и возведение бункеров противовоздушной обороны.

– Дорогой Шпеер, Вы же знаете мои планы на ближайшее будущее. К 1950 году на том берегу будут возведены громадное здание Гауляйтунга, зал для манифестаций на тридцать пять тысяч человек и шестидесятиметровая башня-колокольня. Ее будет видно отовсюду. Наконец, мы восстановим историческую справедливость – башня превзойдет по высоте венский Собор Святого Стефана! А то, видите ли, «любая колокольня должна быть ниже!» Кто им позволил диктовать всем свои правила! Мой родной город будет иметь самую высокую колокольню в Европе!

– Простите, фюрер, но высота колокольни собора в Ульме сто семьдесят два метра.

– Я знаю, Ульм не в счет. – И безо всякой связи с этим почти мечтательно продолжил: – В эту башню будет перенесен прах моих родителей. Когда-нибудь и мой саркофаг бу-

³⁴ «Führerstadt» (нем.) – «город фюрера».

дет помещен в эту башню, на самую высоту, и я оттуда буду взирать на всех живущих...

У Шпеера пробежали мурашки по спине. Что-то параноидальное чувствовалось в словах Гитлера, который, это становилось все яснее, был явно не в ладах со здравым рассудком. Чтобы остановить поток болезненной фантазии фюрера, Шпеер снова заговорил об интересующих его вопросах, разговор о которых был прерван Гитлером:

– Мой фюрер, я полагаю, что Вы не будете возражать, чтобы наши гаулейтеры, прежде всего Кох, заняли некоторые бункеры художественными ценностями. Не стоит подвергать их риску быть уничтоженными англичанами или большевиками.

– Хорошо, я согласен. Но тогда Вы, Шпеер, возьмите на себя техническую сторону вопроса. Ведь подземные заводы рейха в Вашем ведении.

– Так точно, мой фюрер. Только отдайте, пожалуйста, соответствующие указания Гиммлеру и Борману. Многие бункеры находятся в их ведении.

– Ладно, Шпеер, напомните мне об этом, когда мы вернемся в Оберзальцберг.

– Слушаюсь, мой фюрер! – И, посмотрев на часы, добавил: – К сожалению, нам пора. Нас ждут на заводе.

Через десять минут кавалькада лимузинов уже мчалась в сторону металлургического завода «Обердонау». До окончания войны оставалось еще долгих два года.

Глава третья. Бункер-оборотень

...На всех объектах подземного строительства категорически запрещается появление солдат вермахта в форме... Строжайшей маскировке уделить самое большое внимание. Особо ценные предметы... срочно замаскировать путем подрыва стен и в углубленных бункерах...

Из инструктивной шифртелеграммы, полученной из Берлина 6 марта 1944 года

Читатель, которому довелось побывать в Калининграде, самом западном городе России, безусловно, заметил, что его центр все больше и больше начинает приобретать облик европейского города с гигантскими супермаркетами, торговыми центрами, кафе и ресторанами. За всем этим стеклобетонным псевдовеликолепием почти не видно зданий, которые хотя бы в малой степени напоминали о старом Кёнигсберге. Даже однотипные четырех- и пятиэтажки, построенные еще в шестидесятые годы прошлого века, приобрели совершенно новые очертания – практически все первые этажи заняты маленькими магазинчиками, бутиками, кафешками, ателье, а стены окрасились в яркие цвета.

Исторический центр города не совпадает с современным, который находится перед зданием мэрии на площади Победы, превращенной стараниями современных архитекторов в некое подобие московской Манежной площади, правда, без

причудливых скульптур зверюшек и сельскохозяйственных животных, но с гигантской колонной, при сильном напряжении фантазии напоминающей Александрийский столп в Санкт-Петербурге. Центр же старого города находился в километре отсюда, там, где сейчас стоят гостиница «Калининград», торгово-развлекательный центр «Плаза» и гигантская махина пустующего Дома Советов. А между обоими центрами, новым и старым, широкая магистраль – Ленинский проспект, проходящий точно по линии старой немецкой улицы Штайндамм.

Здесь нет пышной зелени улицы Тельмана, роскошных вилл с причудливыми крышами и башенками, что на улице Кутузова, высоких зданий, какие мы видим в новом калининградском микрорайоне на Сельме. Правда, в последние годы здесь появилось множество объектов, ставших популярными у калининградцев: пиццерия «Папаша Беппе», «Круассан-кафе», бар «Ленинский, 18», кафе «Унция» и «Тысяча и одна ночь», торговые центры «Меркурий», «Плаза» и «Европа», магазины одежды «Бенеттон» и «Мон Блан». Даже старый советский универмаг «Маяк» приобрел более современные черты. Поэтому Ленинский проспект от площади Победы до самой эстакады, ведущей через Преголю, всегда выглядят оживленным – тут и жертвы тотального шоппинга, снующие из одного торгового центра в другой, тусующая молодежь, нагруженные пакетами и сумками приезжие, иностранные туристы, с опаской смотрящие на улич-

ную суету.

Более семи десятков лет назад это место тоже было самым оживленным в том, почти исчезнувшем с лица земли, городе. Это был деловой центр Кёнигсберга – сотни контор, фирм, банков и других учреждений размещались в тесно стоящих друг к другу домах. На первых этажах старых и новых построек находились магазины, кафе, рестораны, салоны, кинотеатры. Между сетью узких улочек располагались кварталы, занимаемые университетскими клиниками и институтами, лабораториями и школами. Почти семь столетий магистральная улица и прилегающий к ней район назывались Штайндаммом, что дословно переводится с немецкого как «каменная дамба», которая якобы существовала здесь еще в XIII веке.

Из книги Карла Розенкранца «Кёнигсбергские зарисовки».

Данциг, 1842 год

«Штайндамм – самая яркая улица Кёнигсберга. Однако ее архитектура, за редким исключением, довольно невзрачна. Здесь живут, в большинстве своем, бакалейщики и мясники, торговцы и чиновники. Улица довольно широка, имеет тротуары и является “прогулочной” улицей, ведущей в “Хуфен”³⁵ – место отдыха и развлечения горожан... Поэтому на ней много хорошо одетых прохожих, оживленно двигаются

³⁵ Ныне – район проспекта Мира.

элегантные экипажи... Штайндамм – это апофеоз социальной жизни кёнигсбергских улиц».

Давно уже нет кёнигсбергского района Штайндамм, сгнившего в пламени минувшей войны, стертого с лица города в трудные годы послевоенного созидания. От него остались лишь единичные островки старых построек, неожиданно возникающие среди торгово-развлекательных центров и однотипных блочных домов. Они выглядят несуразно, а иногда даже жалко: обшарпанные, с полуобвалившимися стенами, проржавевшими оградами и непропорционально плоскими крышами, давно лишившимися своего черепичного одеяния. И мало кому из калининградцев, а уж тем более приезжих, известно, что здесь, в условном треугольнике, образуемом Ленинским и Московским проспектами и улицей Генерала Галицкого, до сих пор остаются невыясненными, непроверенными ряд версий, касающихся судьбы Янтарной комнаты. Хотя некоторые из этих версий уже неоднократно упоминались в беллетристике, подлинные факты и события прошлого до сих пор остаются малоизвестными, что порождает множество домыслов и фантастических предположений.

Если мы пересечем наискосок Ленинский проспект от гостиницы «Калининград» через скверик перед зданием Инвестбанка в сторону магазина «Мон Блан» и кафе «Тысяча и одна ночь», что на Житомирской улице, мы как раз вый-

дем к тому месту, где, по свидетельствам очевидцев, находилось одно из самых загадочных, так и не найденных до наших дней, сооружений Кёнигсберга, получившее наименование «бункера Брюсова». Фамилия великого поэта здесь ни при чем. Речь идет о его брате, Александре Яковлевиче, известном ученом, археологе, переводчике и критике. До революции он занимался торговлей, в 1914 году был мобилизован в армию, воевал, попал в германский плен и вернулся уже в Советскую Россию, где стал заниматься археологией, защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора и стал работать в Государственном Историческом музее.

Из справки А. В. Максимова³⁶

«Краткая история розыска Янтарной комнаты»³⁷

«...В марте 1945 года, когда наши войска были на подступах к Кёнигсбергу, Министерством культуры СССР к 11-й гвардейской армии был прикомандирован доктор исторических наук Александр Яковлевич Брюсов (работник исторического музея). Для почтения старику недели погонны полковника, а в помощь придали двух адъютантов (старших лейтенантов). Этим преследовалась следующая цель: после взя-

³⁶ Максимов Арсений Владимирович (1914–2003) – российский архитектор и художник, один из первых архитекторов Калининграда, автор многочисленных акварелей с видами послевоенного Кёнигсберга, участник поисков Янтарной комнаты.

³⁷ Здесь и далее в документах и цитатах сохраняется стиль и орфография подлинников.

тия Кёнигсберга найти, рассортировать и доставить по назначению награбленное немцами».

31 мая 1945 года профессор Брюсов прибыл в составе небольшой группы работников в разрушенный до основания Кёнигсберг, наводненный войсками, тысячами беженцев, освобожденными из лагерей военнопленными и бывшими «восточными рабочими». После неизбежных хлопот, связанных с размещением в гостинице, постановкой на довольствие и получением пайка, Брюсов со своими коллегами включился в поисковую работу.

Из дневника А. Я. Брюсова

«...Выяснили, что в “шлоссе”³⁸ под грудой развалин сохранились некоторые музейные предметы. ...Я слежу за раскопками в старом замке вместе с гв. кап. Чернышевым (от 1-й комендатуры – начальник партии рабочих). Иногда по вечерам хожу в Гос. Архив помогать разбирать книги.

Со 2 по 15/VI мы с Чернышевым осмотрели в замке все, что могли...»

Впервые о некоем загадочном бункере Брюсов узнал из одного письма, оказавшегося в ворохе бумаг, найденных в частично сохранившейся юго-восточной башне Королевско-

³⁸ Так на немецкий лад А. Я. Брюсов называет Королевский замок. Schlo (нем.) – замок.

го замка. В письме директора художественных собраний Кёнигсберга доктора Альфреда Роде тайному советнику доктору Циммерману, сотруднику Музея Кайзера Фридриха в Берлине, которое было датировано 12 сентября 1944 года, в ответ на его вопрос о судьбе какой-то картины, переданной им во время войны на хранение в музей, сообщалось, что она помещена вместе с другими произведениями искусства в одно из помещений подземного бункера, «ключ от которого утерян».

Впоследствии профессор Брюсов сокрушался, что не придал значения обнаруженному документу, хотя и спросил у доктора Роде, почему он не упоминал об этом бункере ранее в ходе многочисленных допросов и бесед. Да и где, собственно, находится этот таинственный бункер? Немецкий ученый неожиданно многословно стал рассказывать про какое-то подземное сооружение в районе Штайндамма, о том, что само здание занято военными и строго охраняется. Роде якобы уже нашел утерянный ключ и готов сопроводить туда советских офицеров для того, чтобы осмотреть хранящиеся художественные ценности. «Поскольку мы были тогда убеждены, что янтарная комната сгорела в замке или вывезена из Кёнигсберга, мы не поставили в связь сообщение об этом бункере с вопросом о янтарной комнате. Но сведения о бункере... заинтересовали меня», – писал впоследствии Брюсов в одной из своих докладных записок. На следующий день он и два других члена бригады, майор Беляева и майор Пожар-

ский, отправились вместе с Роде осматривать бункер.

Кёнигсбергский район Штайндамм был разрушен до основания. Неожиданный налет советской бомбардировочной авиации весной 1943 года отметил руинами несколько кварталов в районе улиц Друмштрассе и Оберрольберг³⁹, серьезно повредил корпуса университетской клиники в самом центре. Ужасные налеты английской авиации на город в ночь на 27 и 30 августа 1944 года, явившиеся ответом на бомбардировки Лондона, превратили центр Кёнигсберга в смрадно чадящие развалины. В Штайндамме почти не осталось целых домов, повсюду виднелись лишь остовы когда-то роскошных зданий, улицы были завалены горами кирпича и обломков, для проезда автомашин и трамваев кое-где расчищались узкие проходы-ущелья.

То, что уцелело после авианалетов, обратилось в прах во время штурма города советскими войсками, и когда Брюсов со своими коллегами пробирался вслед за доктором Роде к неизвестному им бункеру, местность вокруг выглядела совершенно неземной, напоминая какой-то инопланетный зловещий ландшафт...

Плутая между развалинами, они наконец оказались около полуразрушенного здания с закопченными стенами. Окликнувшему их часовому профессор Брюсов предъявил пропуск, полученный накануне в центральной комендатуре, после чего группа вошла в здание. Сам Александр Яковлевич

³⁹ Ныне – улицы Больничная и Коперника.

так описывал это событие: «Бункер помещался на Штайндамме с левой стороны улицы, если идти от замка, на углу пересечения Штайндамма и Розенштрассе⁴⁰ или, может быть, во втором доме от угла. В бункер вела длинная лестница, вход на которую находился с правой стороны дома. Внизу, спустившись на 4 или 5 этажей (точно не помню), мы оказались в прекрасно оборудованном бомбоубежище. Тут были спальни, комната для детей и ряд комнат, служивших, по-видимому, для хранения вещей, как можно было заключить по разбросанным на полу картинам, скульптурам и проч. Но, вероятно, тут уже побывали люди и вынесли отсюда все ценное. Осталось только то, что не стоило и собирать, поскольку оно не представляло никакого интереса. Выбрав две-три лучшие вещи, мы вышли из бункера».

Потом, не раз возвращаясь ко дню посещения бункера, профессор Брюсов вспоминал некоторые важные детали. Так, в беседе с Анатолием Михайловичем Кучумовым, бывшим хранителем Янтарной комнаты в Екатерининском дворце, он рассказывал, что помещения первого этажа дома, расположенного над бункером, были похожи на залы какого-то конторского учреждения. На массивных столах стояло различное оборудование, множество пишущих машинок. Группа спускалась вниз по крутой лестнице, минуя два яруса подземных помещений, двери в которые были заперты. Сопровождавший советских офицеров немецкий ученый ска-

⁴⁰ В настоящее время – пространство между домами к северу от улицы Вагнера.

зал, что не имеет никакого представления о том, что находится за дверями. В одной из расположенных в нижнем этаже бункера комнат они обнаружили сложенные штабелями картины итальянских мастеров XVI–XVII веков с этикетками берлинских музеев. После беглого осмотра живописных полотен, покрытых толстым слоем известковой пыли, двери комнаты были заперты, а ключ передан охранявшим здание солдатам.

Но самое сильное впечатление на профессора Брюсова произвела неожиданно вспыхнувшая догадка о том, что доктор Роде неслучайно скрывал сведения об этом бункере и, возможно, был не откровенен, когда говорил, что не знает, что спрятано за закрытыми дверями подzemелья.

Из записки А. Я. Брюсова «О судьбе Янтарной комнаты».

1961 год

«Только позднее, когда мы уже вернулись в Москву, я вернулся к воспоминаниям об этом посещении бункера... Роде говорил, что он не мог попасть в бункер, потому что потерял ключ; найдя его, он пошел с нами, но, когда мы пришли в бункер, ни одной двери не пришлось отпирать ключом. От какой же двери был этот ключ? Попав в бункер, мы увлеклись рассматриванием найденных там вещей и совершенно не обратили внимания на А. Роде, а я вспомнил, что в течение некоторого времени А. Роде около нас не было, он по-

явился только тогда, когда мы собрались уходить. Где же он был?

...И вот тут-то и мелькнула у меня мысль о бункере. Не находилась ли Янтарная комната в бункере и притом в том помещении, ключ от которого был у Роде? Ведь мы не осмотрели всего бункера. Не воспользовался ли Роде возможностью проникнуть вместе с нами в бункер, чтобы проверить, там ли еще находится она? Не для этого ли он исчезал от нас на некоторое время? Но было уже поздно сожалеть о том, что тогда нам не пришло в голову. Возможно, что мы были на пороге открытия тайника, в котором Янтарная комната хранилась, и не сумели воспользоваться этим!»

Профессор Брюсов со своими коллегами возвратился в Ленинград, но спустя четыре года, в конце декабря 1949-го, он неожиданно получил срочное предписание опять вылететь в Калининград для оказания содействия комиссии советских музеев. Для дачи показаний работающей там комиссии был также приглашен референт министерства просвещения ГДР доктор Герхард Штраус, бывший в свое время сотрудником Инспекции по охране памятников Восточной Пруссии.

Уже не было в живых доктора Роде, да и многие другие свидетели последних месяцев существования агонизировавшего Кёнигсберга навсегда покинули землю своих предков, и след их терялся в многомиллионных потоках беженцев и

переселенцев.

Комиссия под руководством Вениамина Дмитриевича Кролевского, секретаря Калининградского обкома партии, вела интенсивный поиск сокровищ в развалинах Королевского замка и на других объектах города и области, используя для этого прикомандированные военные команды. Брюсов, снова оказавшись в городе, с огорчением почувствовал, что ему очень трудно узнать облик даже ближайшей к замку местности, так как многие коробки и фронтоны зданий к этому времени обвалились или были взорваны ввиду опасности новых обвалов. Часть улиц была расчищена от груд обломков и щебня.

Профессор внимательнейшим образом осмотрел с одним из членов комиссии инженером Якубовичем близлежащие к замку развалины, тщетно пытаясь натолкнуться на то самое здание, в котором был вход в бункер. Когда уже обоих покинула надежда найти «объект», Брюсов заметил, что остов одного из домов имеет сходство с тем, который остался у него в памяти. Инженер же обратил внимание на трубы мощной вентиляционной системы, выходящие на поверхность, что могло свидетельствовать о наличии под землей обширного подземного сооружения.

Инженер Якубович, общаясь с военными контрразведчиками, уже знал, что гитлеровцы буквально «нашпиговали» город подземными бункерами. Сначала это были бомбоубежища для населения и временной дислокации учре-

ждений городской инфраструктуры, а затем стали строиться подземные катакомбы для временной «отсидки» диверсантов. Несколько подобных сооружений военная контрразведка «СМЕРШ» якобы обнаружила в последние недели войны на территории Восточной Пруссии и в пригородах Кёнигсберга. Знакомый офицер-контрразведчик показал Якубовичу немецкий трофейный документ, в котором содержалась директива использовать для диверсионно-разведывательной работы так называемых «фернихтунгсgruppen»⁴¹ подземные бункеры, специально приспособив их для этого и тщательно замаскировав. Не вдаваясь в подробности, контрразведчик намекнул тогда Якубовичу, что не все фашисты из отрядов «Вервольфа»⁴² обнаружены, в том числе и потому, что, возможно, скрываются в подземных бункерах и казематах.

Когда же зимой 1949 года Брюсов и Якубович попытались проникнуть через зияющий проем в нижнюю часть здания, то оказалось, что подвалы практически доверху заполнены водой. Конечно же, водопроводная и водосточная сети города не функционировали и, скорее всего, только после их восстановления можно было бы говорить об откачке воды из бункера.

⁴¹ «Vernichtungsgruppen» (нем.) – истребительные отряды (группы).

⁴² «Werwolf» (нем.) – «Оборотень» – подпольная организация, объединявшая специальные вооруженные отряды, созданные фашистами из немецкого населения для осуществления разведывательно-диверсионной и террористической деятельности в тылу Красной Армии и войск западных союзников.

Из отчета А. Я. Брюсова о командировке в Калининград 21–29 декабря 1949 года

«...24 декабря я ездил с тов. Якубовичем отыскивать то газоубежище, в которое в 1945 году нас водил Роде на бывшем Штайндамме. Но дома там с тех пор развалились, а в 1945 г. мне вообще не приходило в голову, что надо точно запомнить это место; поэтому я мог указать только приблизительно некоторые из домов. Мы осмотрели там несколько подвалов, но не нашли того, что искали. Впрочем, мы не спускались глубоко, так как некоторые подвалы затоплены водою. Дальнейшие поиски продолжались без меня. Я вынес впечатление при этом осмотре, что место это должно находиться около бывшей Розенштрассе, но утверждать этого не могу...»

У профессора Брюсова, пытавшегося еще не раз в течение пребывания в Калининграде найти бункер на Штайндамме, сохранилось устойчивое мнение о том, что доктор Роде, явно причастный к тайному захоронению Янтарной комнаты, вполне мог выбрать для этого столь надежное убежище. В этом профессора убедили и многократные обстоятельные беседы с доктором Штраусом, в ходе которых Брюсову удалось узнать, что примерно в том месте, где находился искомый «объект», размещалось отделение городского банка. «...Сопоставляя это с тем, что городской магистрат Кёнигсберга взял на себя ответственность за сохранность му-

зейных ценностей замка, можно предполагать, что Роде мог использовать сейф или другое убежище городского банка для укрытия части музейных предметов, может быть, и янтарной комнаты...», – писал профессор в докладной записке, содержащей предположения по поводу поиска Янтарной комнаты в декабре 1949 года.

Так где же все-таки этот злосчастный бункер? Этим вопросом задавались все, имеющие отношение к поискам Янтарной комнаты: и Кучумов, несколько раз пытавшийся отыскать его вместе с профессором Брюсовым, а потом уже и без него; и Кролевский, более десяти лет руководивший поисками в пятидесятые годы прошлого века; и сотрудники экспедиции, начавшей свою работу в 1969 году. Вопрос о местонахождении бункера был ключевым, поскольку, не решив его, нельзя было приступить к дальнейшим поискам.

Скупые сведения о бункере позволили лишь примерно определить ориентиры для поиска: во-первых, бункер находился на левой стороне улицы Штайндамм, если идти от Королевского замка; во-вторых, вход в него располагался в доме, стоящем на перекрестке этой улицы с Розенштрассе, ныне не существующей, в первом или втором доме от угла; в-третьих, сам дом имел несколько этажей и глубокие, специально оборудованные подвалы или убежища; в-четвертых, первый этаж этого дома занимало какое-то учреждение, может быть, банк или торговая контора...

Окажись мы в предвоенном Кёнигсберге хоть на один

день, нам вряд ли удалось бы миновать этот оживленный район города. Здесь улица Штайндамм расширялась, образуя перед известным отелем «Берлинер хоф» своеобразную площадь. Двухэтажное здание «Дрезднер банка» под черепичной крышей отделяло ее от островка зелени вокруг Штайндаммской кирхи с остроконечной колокольней. Миниатюрные юркие трамвайчики то и дело останавливались на остановке, которая здесь была вроде пересадочного пункта. Прямо, в сторону главного вокзала, шли трамваи третьего, четвертого, двенадцатого и пятнадцатого маршрутов, а семерка поворачивала налево, к площади Парадеплатц⁴³, и дальше в район вилл и парков Марауненхоф⁴⁴.

Перед гостиницей всегда было много автомашин, они занимали все пространство площади вдоль тротуара – отель был одним из лучших в Кёнигсберге. Вот здесь и выходили на Штайндамм две узенькие параллельные улочки – Розенштрассе, а чуть дальше напротив кирхи – Николайштрассе⁴⁵. Дома были преимущественно старой постройки, трех-, четырех– или пятиэтажные, с фигурными фронтонами и остроконечными крышами. Нижние этажи их состояли сплошь из больших стеклянных витрин, над которыми пестрели вывески располагающихся здесь магазинов и учреждений: «Бю-

⁴³ Ныне – сквер перед зданием Калининградского государственного университета.

⁴⁴ В настоящее время – район улицы Тельмана.

⁴⁵ Ныне – улица Сибирская.

ро путешествий Роберта Майхофера», «Шаттке», «Дом фото и кино», «Городская сберегательная касса», «Восточнопруссский земельный банк», «Страховое общество Альбингия», «Сигареты и вино», кинотеатр «Призма»...

Если принять во внимание наблюдения Брюсова, вход в интересующий нас бункер мог быть практически в любом из перечисленных учреждений, так как каждое из них производило впечатление «торгового или конторского». Но намеки доктора Штрауса о каком-то городском банке, располагавшемся в этом районе, сужают наш интерес до одного объекта – четырехэтажного дома № 132–133, который как раз являлся вторым по счету от перекрестка с Розенштрассе, если идти от замка, что полностью соответствует воспоминаниям Александра Яковлевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.